

ПРОЕКТ
НАУМА
СИНДАЛОВСКОГО

НАУМ
СИНДАЛОВСКИЙ

ЛЕГЕНДЫ
И МИФЫ
ПРИГОРОДОВ
САНКТ-
ПЕТЕРБУРГА

Издательство АСТ
Москва

ПЕТРОДВОРЕЦ
(ПЕТЕРГОФ)

**СТАРЫЙ ПЕТЕРГОФ
МОНПЛЕЗИР
БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦ
НИЖНИЙ ПАРК
«СТОЛИЦА ФОНТАНОВ»
ПЕТЕРГОФСКИЕ КАЗАРМЫ**

1709 год стал решающим в новейшей истории России. В 1709 году под Полтавой был сокрушен и похоронен европейский миф о непобедимости шведской армии. Северная война, начатая Петром I за возвращение России ее исконных приневских берегов, достигла своего апогея. Еще через год, в 1710-м, русская армия овладела Ригой и Выборгом, а в 1712-м Москва полностью утратила роль столицы государства. Центр политической, экономической и общественной жизни России переносится на невские берега. Впереди все более отчетливо вырисовывались пока еще туманные контуры 1721 года — года окончательного завершения войны. И хотя до него было еще почти целое десятилетие, Россия так прочно вросла в топкие балтийские берега, что могла себе позволить политическую демонстрацию.

В самом деле, если строительство Петербурга и Кронштадта в значительной степени определялось условиями военного времени, соображениями тактического и стратегического характера и возводились они в первую очередь как оборонительные крепости, то чем, как не декларацией военной мощи, экономического могущества и политической зрелости государства, можно объяснить возникновение в самый разгар войны загородной резиденции с веселыми и дерзкими затеями, радостными забавами и праздничными водяными шутихами.

СТАРЫЙ ПЕТЕРГОФ

Годом основания Петергофа принято считать 1714-й, когда на самом берегу Финского залива Петр I заложил так называемые Малые палаты, или Монплеизр, хотя впервые в Походном журнале Петра Петергоф упоминается еще в сентябре 1705 года. Речь идет о небольшой усадьбе с «попутными» хоромами, построенной на территории Старого Петергофа и предназначавшейся для остановки и кратковременного отдыха Петра во время его частых поездок из Петербурга в Кронштадт. Без особых претензий на оригинальность этот путевой дворец и был назван Петергофом, что в переводе с немецкого означает «Двор Петра».

По преданию, своим появлением «попутные» хоромы обязаны невенчаной супруге государя Екатерине. Озабоченный строительством Кронштадтской крепости, которая должна была защитить возводимый Петербург от вторжения неприятеля с моря, Петр часто посещал остров Котлин. Поездки совершались морем, и это, особенно в бурную и ненастную осеннюю погоду, представляло постоянную опасность. Беспокоясь о безопасности венценосного супруга, Екатерина будто бы и уговорила Петра построить на берегу, напротив острова, где переезд мог быть наименее рискованным и непродолжительным, заезжий дом, или путевой дворец.

Со строительством Монплеизра и Большого Петергофского дворца значение Старого Петергофа стало утрачиваться, и ныне понятие Старый Петергоф представляет собой не более чем топонимическую реликвию, впрочем, зафиксированную в названии железнодорожной станции и в обиходном имени одного из жилых районов современного Петродворца. Однако среди местных преданий этого района бытует удивительная легенда о необыкновенном валуне, с незапамятных времен намертво вросшем в зем-

ПЕТРОДВОРЕЦ (ПЕТЕРГОФ)

Общий вид на Петергоф

лю. В свое время какой-то неизвестный умелец превратил этот памятник ледникового периода в голову старика — некий символ вечной мудрости и невозмутимого покоя. Как утверждают обыватели, эта голова постепенно уходит в землю, становится все меньше и меньше, но происходит это так неувовимо медленно, а голова столь велика, что жители полны несокрушимой уверенности, что городу ничто не угрожает, пока эта чудесная скульптура видна над поверхностью земли.

МОНПЛЕЗИР

Как это обычно происходило в большинстве случаев раннепетербургского строительства, Малые, или Нижние, палаты возводились на обжитом месте. В свое время этот участок принадлежал известному поборнику объединения Новгорода с Москвой новгородскому посаднику Захарию Овинову. По преданию, его усадьба находилась между двумя чухонскими деревушками Похиоки и Кусоя. Усадьба стояла на мысу с прекрасным видом на море и остров Котлин. Позади нависал каменный уступ, поразивший необычным для этих мест рельефом. Вскоре на вершине этой скалистой гряды начнется строительство Верхних палат, а между Верхними и Нижним палатами — разбивка Нижнего парка.

Проект Малых палат выполнил ученик знаменитого немецкого архитектора Шлютера Иоганн Фредерик Браунштейн по личным указаниям самого Петра I. В дальнейшем в строительстве принимали участие архитекторы Леблон и Микетти. Центральный объем палат увенчан четырехъярусной шатровой крышей в голландском стиле, от него к боковым павильонам ведут десятиметровые остекленные галереи. Дворец получил название Монплеzir, что в переводе с французского значит «мое удовольствие», «моя отрада». Вместе с тем в обиходе его часто называют Голландским домиком, что полностью соответствует легкому, изящному голландскому стилю этого редчайшего памятника русской архитектуры первой четверти XVIII века.

В Монплезире девять комнат, две из них — Морской кабинет и Спальня — принадлежали лично императору. В Спальне стояла кровать Петра, по преданию, установленная им собственноручно таким образом, чтобы при пробуждении «первым предметом глазам его представлялся Кронштадт, ясно отсюда видимый».

Дворец Монплеэир

Монплеэиру принадлежит особая роль в истории русского музейного дела. Задолго до появления художественных коллекций в Петербурге здесь сложилась первая в России крупная картинная галерея. Большинство полотен было приобретено или специально заказано лично Петром I. С одной из картин связана занимательная легенда — яркое свидетельство дворцового быта и нравов того времени.

Оберкухмистером Петра I был Ян, или, как его звали в России, Иван Иванович Фельтен, датчанин, преданно служивший царю с 1704 года. Имя Фельтена хорошо знакомо петербуржцам многих поколений. Он был родным дядей знаменитого архитектора — автора всемирно известной ограды Летнего сада, Дворцовой набережной с мостиком над Зимней канавкой, Старого Эрмитажа, Чесменского дворца и многих других не менее известных сооружений в Петербурге и его пригородах.

Сложилось так, что в придворном быту кухмистер стал постоянным объектом жестоких и унижительных шуток, до которых Петр, как известно, был весьма охоч. Якоб

Лепнина в интерьере Монплезира

Штелин записывает исторический анекдот о том, как однажды, уже после смерти императора, Фельтен вместе со своим зятем Шумахером посетил Кунсткамеру, где хранилась «восковая персона» — изображение Петра Великого «в собственном его платье со многими другими вещами, которые государь употреблял». Увидев между прочим государеву трость, стоявшую в углу, Фельтен сказал Шумахеру: «Эту мебель, зятюшка, можно бы и спрятать, чтобы она не всякому в глаза попадалась, может быть, у многих, так же, как и у меня, зачесется спина, когда они вспомнят, как она прежде у них по спине танцевала».

Тот же Штелин сохранил для потомства и легенду о картине, что висела в западной галерее Монплезира. Говорили, что Петр лично заказал ее в Голландии только затем, чтобы посмеяться над бедным «мундкохом Яном». На полотне изображена романтическая сцена: женщина ласкает любовника, а рядом стоит трубач, подвязанный поварским передником. Современники, хорошо знакомые с нравами своего монарха, легко узнавали в любовни-

ке императора Петра I, целующего жену своего личного повара под музыку играющего на трубе самого Фельтена. Говорят, Петр заказал эту картину, узнав как-то, что супруга Фельтена в очередной раз наставила тому рога, а он по простоте душевной раструбил о том среди дворянской челяди.

Главный, или Парадный, зал Монплезира имеет выход на открытую Морскую террасу. Террасу украшает бронзовая статуя Нептуна — одна из самых загадочных скульптур Нижнего парка. Петергофский Нептун и в самом деле менее всего напоминает грозного греческого бога морей и потоков с характерным трезубцем. Скорее он похож на лукаво подбоченившегося хитроватого ярославского мужика с вилами. О происхождении скульптуры сведений мало. Известно только, что отлит Нептун в 1716 году на Московском литейном заводе по рисунку самого Петра I. В Петергофе между тем давно живет предание.

Согласно ему, у Петра в Петергофе был хороший знакомый, богатый купец, который часто посещал царя во время его пребывания в Монплезире. Рассказывают, что купец был застенчив, как красная девица, и, когда Петр водил его по залам своего Голландского домика, не знал куда деться от смущения при виде бесстыдно обнаженных женских тел на картинах. Петра это приводило в неподдельный восторг. И вот однажды, уверяет предание, ему пришла в голову вздорная мысль подшутить над простодушным провинциалом. Петр набрасывает рисунок... И образ стыдливого мужика, выполненный в лучших традициях древнерусской деревянной скульптуры, запечатлевается в бронзе. Правда, снисходительный Петр оставил на бедрах несчастного что-то вроде повязки, опять же весьма далекой от античных образцов.

Легендарный Нептун давно полюбился петергофским кадетам. Он стал постоянным объектом их традиционного юмора. Один раз в году, перед выпуском, кадеты петро-

дворцового военно-морского училища радиоэлектроники облачали бронзовый торс античного бога в полосатую флотскую тельняшку, видя в этом ритуале верный залог успешного плавания на кораблях военно-морского флота.

В 1844 году в Петергофе состоялся большой придворный праздник, центром которого стал Монплезир. Благодаря этому, в общем-то, обыкновенному в высшем свете событию, петербургский фольклор обогатился двумя понятиями. С тех самых пор темно-зеленые с серебром платья, которые женщинам, приглашенным на подобные мероприятия, полагалось надевать, «чтобы гармонировать с зеленью парка и серебряной белизной фонтанов», назывались «петергофскими платьями», а салат из овощей и фруктов, залитый желе и поданный в половинках дыни, — «монплезирским салатом». Не в память ли о бедном поваре Петра Яне Фельтене, образ которого, запечатленный некогда на художественном полотне, не покидает стен Голландского домика Петра Великого.

В 1880-х годах, если верить фольклору, на одной из наружных стен Монплезира еще можно было увидеть давние следы от двух пуль, попавших сюда аж во времена Анны Иоанновны. Известно, что императрица, будучи страстной охотницей, не упускала случая пострелять из окон специальной беседки, поставленной для этих целей в Петергофе. Во время одной из таких охот олень, убегая от гончих псов, перескочил изгородь петергофского зверинца и стал уходить в сторону Нижнего парка. Императрица вскочила на коня и погналась за оленем, пытаясь его подстрелить. Две случайные пули врезались в стену галереи Монплезира, став для нескольких поколений обитателей Петергофа своеобразным памятником монаршей охоте.

БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦ

Как мы уже говорили, возведение Верхних, или Больших, палат началось одновременно с Малыми. Строились они по проекту того же архитектора И.Ф. Браунштейна, которому Петр I указал на образец, выбранный им в одной из архитектурных книг собственной библиотеки. Браунштейн был первым архитектором Петергофа, но проработал в нем всего два года. Затем строительство продолжили архитекторы Ж.Б. Леблон, Н. Микетти, М.Г. Земцов. Завершил возведение Большого дворца Б.Ф. Растрелли, который к 1755 году и превратил скромные первоначальные Верхние палаты в Большой дворец, известный нам до сих пор.

Со стороны моря дворец предстал вытянутым на 260 метров единым ярким фасадом, в котором отчетливо выделяются несколько симметричных разновысоких объемов. Центральная трехэтажная часть с высокой фигурной кровлей переходит в одинаковые, тоже трехэтажные, но с более низкими крышами корпуса, которые, в свою очередь, сменяются одноэтажными застекленными галереями. Эти последние заканчиваются блестящими по замыслу и исполнению павильонами — Церковным и Гербовым, золоченые главы которых завершаются в одном случае — православным крестом, в другом — вращающимся наподобие флюгера орлом.

Для достижения постоянного зрительского эффекта, при котором с любой точки обзора орел должен выглядеть двуглавым, Растрелли придумал его трехглавым.

Интерьеры дворца отличаются свойственной середине XVIII столетия парадностью, пышностью декоративных элементов, изысканностью обстановки и в то же время несут на себе отчетливые следы различных художественных вкусов, архитектурных стилей, школ и направлений. Кроме упоминавшихся уже Браунштейна, Леблона, Зем-